Пролог

Как всегда, на рассвете в Юнкайском лесу всё оживает. Здесь установлены свои законы и порядки. Сильный охотится на слабого только для пропитания. После своей смерти он станет пищей для того на кого охотился, чтобы в последствии он же мог продолжить существование. Этому правилу должны следовать все, попадающие в Великий лес. Животные, птицы, эльфы и зверолюди находятся в едином круговороте, сбалансированным Циральским пактом.

И вот пред нами представляется лес деревни Юн’Кай. Названа она так в честь фамилии основателя, чьи потомки и спустя несколько сотен лет руководили деревней. Всё здесь так и навевает умиротворение. Видна кроличья нора, из которой блестят два черных глаза. Кролик таки проголодался и высунул голову буквально на мнгновение оценить обстановку, и в ту же секунду смерть, сопровождаемая свистом ветра оборвала жизнь этого существа.

«1».

От кроличьей норы взгляд направляется на темный силуэт в густой зеленой кроне старого дуба. Дуб настолько стар, что не удивляется тому, как порой жестоко проворачивается Циральский круг. Дуб удивляется другому. Хищника подобного тому, что только что подобрал упавшую птицу, он не видел за все 847 лет своей жизни, ибо никто ещё так злостно и так часто не нарушал святые правила Леса.

«2».

Она проснулась сегодня раньше обычного. Оба её сына с каждым днём растут всё быстрее и быстрее, и прошлого количества еды им уже недостаточно. Сегодня была среда.

«Рыбный день! Лососю в эти дни в воде тесно и он так и выныривает из неё» - как любил говаривать её отец.

С тех пор она традиционно по средам ловила рыбу на юна-ярви. И сегодняшний день не будет исключением. Она вышла из берлоги, позвала Гура и Бура, и всё семейство двинулось к «шведскому столу».

И вот она уже на мели в самом центре реки. Посмотрела на резвящихся на берегу детей. Немного расстроилась, что они не смотрят, не улавливая всей сути древнего искусства рыболовства, но потом успокоила себя тем, что со временем инстинкт приучит их к добыче пропитания. Выйдя из размышлений, она обернулась к реке. Это её «шведский стол» на сегодня. Её и её семьи. Здесь главное быть внимательным.

«Раз».

Рыба уже трепыхалась у неё в пасти. Эту она съест сама, следующие две- для детей.

Только она разделалась с жертвой, как краем глаза заметила красное молниеносное движение. Рефлексы сработали, и также молниеносно рыба уже оказалась пойманной.

«Два».

Быстро отдав добычу на растерзание, вернулась на свой пост. И вот уже готовая атаковать, она почувствовала что-то неладное. Тот самый старый животный страх, наработанный поколениями вновь пробудился. Она была готова, она хотела уже как можно скорее победить в этой борьбе с речной живностью, но поймала себя на том, что не может оторвать глаз от своих

детей. Отец ей всегда говорил:

«Мора, чуешь беду – лучше сразу беги. Наше выживание всегда зависит от рефлексов, и от того как мы к ним прислушиваемся. Этой истине должны прислушиваться и малые и большие. Лучше убежать, оказаться трусом и выжить, чем умереть глупой смертью играя в геройство.»

По его словам, эта мудрость часто спасала его бренную шкуру. Но она колебалась. Она не могла понять, откуда идет опасность. Нюх её никогда не подводил, но на реке попытаться что-то учуять было глупой затеей. Она решилась. Вновь краем глаза заметила красную молнию. В этот момент слух уловил свист ветра.

«Три».

«3».

Она резко обернулась от рёва, исходящего позади неё. Ревел Бур. Он звал её. Он прыгал по берегу и звал свою мать. Та не заставила себя долго ждать. Почти добежав до берега, она уловила в кустах блеск и поняла, что опоздала. Свист ветра. Она зажмурила глаза. Раскрыв их вновь, она чуть не споткнулась о подводную крягу. Бур, мгновение назад ревевший, умолк прибитый головой к упавшему дереву неподалеку. Его глаза всё ещё звали маму, полные животного страха приближающейся гибели.

Она остановилась. Тишину нарушал лишь шум воды на небольшом пороге позади неё. Она ждала. Ясно было, что это был он. Тот самый преступный нарушитель пакта, которого боятся все жители Юн’Кайского леса. Она узнала и почерк «прибития головы», чтобы жертва не могла убежать, и стрелы с черно-красным оперением. Точно также, как и несколько лет назад, когда в берлоге своего отца вместо старого седого медведя-зверолюда, она обнаружила лишь освежеванную груду мяса. Она ждала. Бежать уже бесполезно, тут либо тебе повезёт принять бой, либо ты умрёшь на месте. С каждой секундой время, будто обрастая балластом, становилось всё тяжелее, более грузным и неподъёмным, и казалось, что каждое мгновение стоит тебе час времени. Треск ветки. Она рванула вперёд. Шуршание куста слева. Ему не уйти. Теперь то она сможет отомстить за всю свою семью и за Цираля, коего презирал её враг. Она прыгнула в куст, разинув пасть.

Это была ошибка. Будто огненной молнией её тело прожгло насквозь. Её глаза заплыли кровью. Попыталась хоть рявкнуть, но из разодранной глотки донёсся лишь слабый хрип. Вдруг она заметила движение впереди. Это был он. Тот самый хищник. Эльф, чьи братья в отличии от него Циральский пакт не нарушают. Его черные угольные волосы были собраны в хвост на затылке. На шее была татуировка в виде двух полос, глаза были черные, словно окна преисподней. Он шёл к ней, и в руках у него что-то блестело. Лицо его было спокойным. Он замахнулся.

«Покойся с миром несчастная. Твоя смерть не будет напрасной, ибо совершена в честь Цираля!»

Она оскалилась.

«И запомни»

Он посмотрел прямо ей в глаза.

«Тебя убил Санобур Юн’Кай!»

Она зажмурилась.

«Будь ты трижды проклят!»

За яркой вспышкой последовала тихая тьма.

http://tl.rulate.ru/book/26768/556297